

ГЛАВА 1

27 февраля поезд, шедший из Воронежа, прибыл в Калугу. Почти все пассажиры, приехавшие этим поездом в город, ставший прифронтовым, были военные. Редко-редко среди людей в солдатских и офицерских шинелях можно было заметить человека в гражданском пальто или телогрейке.

Среди других этим поездом приехал подтянутый молодой военный с капитанскими погонами на плечах. Это был капитан Глеб Шубин — разведчик, побывавший в боях на нескольких фронтах, в том числе участвовавший и в Сталинградской битве. Теперь ему предстояло нести службу на Западном фронте, которым, как ему было известно, руководил генерал-полковник Иван Конев. У караульного на вокзале Шубин спросил, где находится штаб фронта, и направился по указанному адресу.

Штаб занимал старинный купеческий дом, в центре города. Часовой у входа спросил у Шу-

бина документы. Он внимательно их изучил, а еще спросил, откуда приезжий прибыл и кто ему нужен в штабе. С такой придирчивостью часовых Шубин сталкивался впервые и спросил, чем она вызвана.

— Так фронт же недалеко, товарищ капитан, — ответил часовой. — Немец своих шпионов к нам то и дело засылает. Ну и начальник службы «Смерш» майор Никифоров требует, чтобы мы проявляли бдительность. Так вы, значит, по линии разведки будете нести службу?

— Да, я разведчик, — ответил Шубин.

— Тогда вам не сюда, вам вон в тот флигель, — подсказал часовой. — Там располагается фронтовая разведка. А командует ею полковник Данилов Алексей Семенович. Стало быть, вам к нему.

— Ладно, пойду к полковнику Данилову, — ответил Шубин и направился к двери флигеля.

У входа во флигель приезжего тоже встретил часовой, который тоже проверил документы и задал те же вопросы — откуда и зачем приехал. Шубин уже начал привыкать к строгим порядкам, принятым на Западном фронте, в хозяйстве генерал-полковника Конева. Вернув Шубину его бумаги, часовой объяснил, где найти полковника Данилова.

Пройдя по коридору, Шубин постучал в указанную часовым дверь и, услышав: «Войдите», сту-

пил в комнату. За столом, на котором лежали сразу несколько карт местности, сидел еще сравнительно молодой — лет сорока — человек с совершенно седыми волосами. Очевидно, это и был начальник фронтовой разведки полковник Данилов.

Шубин представился. Полковник встал из-за стола, подошел к нему и изучающее посмотрел на прибывшего.

— Значит, ты и есть Шубин? — сказал он. — Много о тебе слышал. И от Ивана Трофимовича Уколова, и от генерала Попова, твоих прежних начальников. Они хорошо о тебе отзывались. Говорили, что ты можешь решить самые сложные задачи. А у нас очень сложная задача, Шубин. Чтобы ты знал: это я тебя сюда вызвал, на Западный фронт. Потому что перед нами здесь стоят задачи повышенной сложности. Готов ты их решить?

— Готов, товарищ полковник, — ответил Шубин. — Пока что не было такой задачи, чтобы не удалось ее решить. А что за задача?

— Что ж, давай поговорим о задаче, — согласился Данилов. — Садись вот к столу и посмотри на эту карту.

И он пододвинул к разведчику карту, на которой на севере был обозначен Ржев, а на юге — Калуга, где они находились.

— Я слышал, ты уже воевал в здешних местах, — вновь заговорил Данилов. — Стало быть,

тебе легче будет вникнуть в суть происходящего. Немцы продолжают удерживать крупный плацдарм в непосредственной близости от Москвы. Вот он, этот выступ, в него входят Ржев, Вязьма и Гжатск. От немецких окопов в этом месте до окраин нашей столицы всего сто пятьдесят километров. Совсем небольшое расстояние! Это создает угрозу для безопасности Москвы и всего нашего фронта в этом районе. Поэтому Верховное командование еще в январе поставило перед нашим фронтом, а также перед нашими соседями, Калининским и Брянским фронтами, задачу: нанести сходящиеся удары с севера и с юга и сровнять этот выступ. Однако пока готовились планы атакующих действий наших войск, немцы сами решили уйти из района Ржева. Ведь после того, как наши войска взяли Великие Луки, мы забрались немцам в тыл аж на двести пятьдесят километров. Враг понял, что над ним нависла угроза окружения, и поставил перед своими войсками задачу — поэтапно и без потерь отойти на новые рубежи. По крайней мере, такая информация поступила в Ставку Верховного главнокомандования. Когда об этом стало известно в Москве, в Ставке, нам также изменили боевую задачу. Теперь она звучит так: не дать немцам тихо отойти, разгромить их войска при отходе! Понимаешь?

МЕРТВАЯ ТИШИНА

— Да, товарищ полковник, пока что все понятно, — ответил Шубин. — Надо постоянно наступать на пятки фрицам, не дать им от нас оторваться. Бить их при отходе — и полностью разгромить!

— Молодец, быстро схватываешь, — похвалил капитана Данилов. — Теперь я поставлю перед тобой задачу более конкретно. Задача такая: провести несколько разведок в разных местах нашего фронта, на севере и на юге, и выяснить, как устроена немецкая оборона в этом районе, готовятся ли немцы к отступлению или еще нет. Также нужно выяснить, где они готовят промежуточные рубежи.

— Рубежи, на которых отступающие части будут нас сдерживать? — уточнил Шубин.

— Верно. При крупном плановом отступлении всегда готовят такие рубежи. Без них любое отступление превращается в бегство, как было с нашими войсками на юге в прошлом году — ну, ты это знаешь. Вот про эти рубежи тебе тоже нужно будет как можно больше узнать. Как, справишься с такой задачей?

— Что ж, товарищ полковник, задача понятная, — ответил Шубин. — Ничего особо сложного я в ней не вижу. Когда прикажете приступить к выполнению? Может, прямо сегодня и провести первую разведку?

— Торопишься, Шубин, слишком торопишься, — покачал головой полковник Данилов. — Ты ведь еще местность не изучил, расположение противника не знаешь. Как же ты будешь переходить линию фронта? Как будешь возвращаться? И я тебе еще один важный момент не сообщил. Карты этих мест у нас устаревшие. Так что прежде перед разведкой тебе еще нужно заняться картографированием местности. Вот тебе задание на ближайшие два дня: сегодня же выедешь на передовую, займешься составлением подробных карт местности. Заодно изучишь слабые и сильные стороны немецкой обороны. Затем, когда справишься с этой работой, я тебе дам толкового помощника, а лучше двух, и вы сможете отправиться на первое задание в немецкий тыл. Все понял?

— Так точно, товарищ полковник, теперь все понятно, — сказал Шубин. — Разрешите выполнять?

— Иди выполняй, — сказал Данилов. — Жду тебя послезавтра.

Шубин вышел на дорогу, ведущую к линии фронта, и стал ловить попутную машину. Спустя полчаса он уже трясся в кузове полуторки, которая только что отвезла в тыл партию раненых и теперь возвращалась за новой. От фельдшера, возглавлявшего бригаду санитаров, Шубин узнал,

что раненых очень много: армия в ходе подготовки к наступлению вела бои, прощупывала немецкую оборону. Вражеская оборона была прочной, попытки ее прощупать приносили большие потери.

Прибыв на передовую, Шубин представился командиру полка, который стоял напротив немцев на плацдарме на правом берегу Волги. И до вечера ходил вдоль линии фронта, в бинокль внимательно изучая местность по обе стороны от этой линии, сверяя увиденное с имевшейся картой и внося нужные поправки в старую карту. На следующий день он переместился южнее, в расположение другого полка, и здесь продолжил ту же работу. Заодно разведчик искал слабые места в обороне противника, «щели», через которые несколько человек могли бы просочиться на ту сторону. И парочку таких «щелей» он нашел.

Через два дня, к вечеру, Шубин вернулся к полковнику Данилову и положил перед ним на стол новую, исправленную карту местности.

— Заодно могу указать места, где можно перейти линию фронта, — сказал разведчик. — Вот здесь, в районе деревни Клиницы, местность очень изрезанная, сплошные овраги. Немцы постарались на краю каждого оврага построить дот или поставить бронированный колпак. Но эти сооружения действуют против наступления

войсковых частей. А небольшая группа людей сможет пройти по дну оврага, прямо под носом у расчета, сидящего в доте. Правда, перед этим ей надо будет разминировать местность — там, понятное дело, все сплошь заминировано. Кроме Клинцов, есть еще несколько таких мест, где мы можем пройти незамеченными туда и вернуться обратно.

Полковник Данилов внимательно изучил составленные Шубиным карты, рассмотрел и место возле деревни Клинцы, которое разведчик обозначил как удобное для перехода линии фронта. Затем одобрительно кивнул:

— Хорошо, первую часть работы ты выполнил. Теперь я пошлю за человеком, которого назначил тебе в помощники. Вот он придет, познакомлю вас.

И Данилов отправил за этим человеком часового, дежурившего возле штаба. И спустя десять минут на пороге комнаты появился невысокий, на полголовы ниже Шубина, молодой сержант.

— Вызывали, товарищ полковник? — спросил он.

— Да, Андрей, вызывал, — ответил Данилов. — Вот, знакомься. Это капитан Шубин. Прибыл на наш участок фронта специально, чтобы помочь с разведкой перед началом предстоящей операции. А это, — теперь полковник го-

ворил, обернувшись к Шубину, — наш лучший лазутчик, сержант Андрей Коростылев. Сколько он мне языков притащил — не сосчитать. И такие ценные языки попадались! Кроме того, Андрей хороший стрелок, а также прекрасный сапер. Если ты считаешь, что место перехода линии фронта будет заминировано, то Андрей может тебе помочь преодолеть его.

— Нужное дело, — одобрил Шубин. Затем спросил нового напарника: — А немецким владеешь?

— Немного говорить могу, — ответил Коростылев. — Например, «Руки вверх!» приказать или сказать: «А ну, шагай вперед!»

— Полезное дело, — снова одобрил Шубин. Затем повернулся к Данилову: — Так что, товарищ полковник, теперь мы можем отправиться на первую вылазку?

— Да, можете, — кивнул Данилов и сказал Коростылеву: — Ты иди, Андрей. А нам с капитаном еще немного потолковать надо.

Когда сержант ушел, полковник плотно закрыл дверь, посадил Шубина за стол рядом с собой и негромко заговорил:

— Я еще не полностью ознакомил тебя с ситуацией на нашем фронте. А без знания этой ситуации ты будешь ходить словно с завязанными глазами и можешь попасть в беду. При сержанте я не хотел об этом говорить, потому что во-

прос касается высшего командования, и я с тобой говорю как офицер с офицером. Так вот, чтобы ты знал. Сегодня утром пришло распоряжение Ставки Верховного главнокомандования: генерал-полковник Конев освобожден от должности командующего фронтом. На нее назначен наш начальник штаба генерал-полковник Соколовский.

— Вот оно что... — протянул Шубин. — Смена командующего... Да еще перед наступлением! Такое не часто бывает. А что случилось, почему вышло такое распоряжение?

— Да, об этом тебе тоже нужно знать, — согласился Данилов. — Дело в том, что мы уже давно получали сигналы о том, что немцы готовятся к отступлению с Ржевского выступа. И Ставка нас нацеливала на то, чтобы не дать врагу уйти, вовремя его атаковать. Но что значит «вовремя»? Мы столько раз пытались выдавить немцев из этого района, такие потери здесь несли, что не хотелось снова нарваться на то же самое. И командование фронтом медлило, стремилось точно узнать положение противника. Но и сидеть сложа руки было невозможно. И пять дней назад, двадцать второго февраля, Конев отдал приказ перейти в наступление силами одной стрелковой дивизии, 352-й, и двух бригад. Наступали они на участке к югу от Ржева, прямо против Сычевки.

— Хорошо, и что же получилось? — спросил Шубин.

— Ничего хорошего из этого наступления не вышло, — ответил полковник Данилов. — Немцы встретили наши войска ураганным огнем. Все они были на месте, никто не отступил. Три дня наша дивизия пыталась пробить немецкую оборону. Мы потеряли до четверти личного состава, множество танков — и не продвинулись ни на шаг. Некоторые подразделения были уничтожены целиком. Так произошло, например, с отрядом из двадцати двух разведчиков. Из всего отряда уцелел один человек. Знаешь, кто это был? Тот самый сержант Коростылев, с которым ты только что познакомился. Так что он не понаслышке знает, что значит попасть в засаду к противнику. Вот та информация, которую я хотел до тебя донести. Имей это в виду.

— Кажется, я понял, какой главный вывод я должен сделать из вашего сообщения, товарищ полковник, — сказал Шубин. — Не то, что я должен быть осторожен, — тогда я буду плохой разведчик и пользы от меня будет немного. А то, что противник в этом районе очень опытный, система обороны сильно укреплена. А это значит, что к своей задаче мы с сержантом должны относиться со всей серьезностью.

— Да, вот это будет правильный вывод, — кивнул Данилов. — Немцы, засевшие на Ржев-

ском выступе, — опытные бойцы. Ошибок они не прощают. Вот теперь ты все знаешь, можешь идти на задание. Когда думаете выступить?

— Нынче ночью и пойдем, — ответил Шубин. — Проведем короткую разведку, рассчитанную всего на два дня. Завтра третье марта, надеюсь вскоре вернуться и доложить вам результаты разведки.

— Вот и хорошо, — сказал Данилов. — Твоих сведений мы будем ждать.

ГЛАВА 2

Время приближалось к полуночи, когда Шубин и Коростылев добрались до землянки командира 3-го батальона 302-го стрелкового полка капитана Сладкова. Батальон занимал позиции вблизи деревни Зимовники на правом берегу Волги. Составляя новые карты местности, Шубин уже успел познакомиться с капитаном Сладковым. Он уже тогда решил, что будет переходить линию фронта именно в этом районе. Батальон занимал позиции на холмах, тянувшихся на некотором удалении от Волги. На расстоянии примерно полукилометра к западу шла другая линия холмов — на них занимали оборону немцы. Между двумя линиями обороны пролегла нейтральная полоса — засыпанное снегом поле, на котором там и здесь виднелись снежные холмики. Это были засыпанные снегом тела наших бойцов, погибших неделю назад во время неудачного наступления.

Это место понравилось Шубину тем, что прямо напротив землянки капитана Сладкова виднелся глубокий овраг, уходивший в глубину вражеской обороны. Разведчик не сомневался, что устье оврага хорошо охраняется — там наверняка имелся немецкий окоп, и еще нужно будет подумывать, как его обойти. Зато дальше, на дне оврага, на его крутых склонах немцы вряд ли устроят огневые точки — они не любили такие складки местности. Там Шубин и надеялся пройти в глубину вражеской обороны.

Разведчик заранее попросил Сладкова подобрать им с Коростылевым пару маскхалатов. И капитан выполнил эту просьбу: маскировка дождалась разведчиков. Они оба надели маскхалаты, попрыгали на месте, проверяя, не бренчит ли что в карманах. Затем надели вещмешки, тоже зашитые в белую ткань, проверили автоматы — заряжены ли. Оба повесили на пояса ножи в ножнах. Вещмешки на этот раз были не слишком тяжелые: разведчики не брали с собой рацию, не было у них и запаса продуктов, котелков и всего того, что нужно для приготовления пищи. Из еды они взяли только каждый по горбушке хлеба и куску сала. А вместо горячего чая планировали использовать снег. Одни сутки можно было продержаться и на таком скудном пайке. Шубин рассчитывал пройти не больше двадцати километров в глубь немецкой обороны. Он знал, что немцы

при отступлении устраивают временные линии обороны на расстоянии пятнадцати километров от передовой. Так что 15, ну, 17 километров они пройдут — и наткнутся на этот промежуточный рубеж. Разведают его, узнают его сильные и слабые стороны — и можно будет возвращаться.

— Ну, ты готов? — спросил Шубин напарника. Как всегда, перед началом операции его охватило нетерпение: скорее бы уже!

— Да, готов, — ответил Коростылев.

— Тогда пошли, — скомандовал разведчик.

Они вышли из землянки. Дул сильный ветер, который швырял в лица горсти мокрого снега. Погода была вполне мартовская — температура около нуля, мокрый снег. И это было на руку разведчикам — снег маскировал движения лучше всякого маскхалата.

Они выглянули из окопов, выползли в поле и поползли, прижимаясь к земле. Когда ползли мимо убитых, их окутал отвратительный запах: мороз ослабел и трупы начали разлагаться. Но сейчас эти погибшие бойцы помогали разведчикам, скрывали их продвижение по полю, потому приходилось терпеть.

Но вот они приблизились к немецким позициям. Теперь им нужно было совсем слиться с землей, стать невидимыми. Они продвигались дальше, используя каждую складку местности. Так они подобрались к немецкому окопу, кото-

рый находился в устье оврага. Немцы были так близко, что разведчики различили каску часового, который наблюдал за местностью, высунувшись из окопа.

Когда Шубин планировал переход линии фронта, он думал, что придется брать врагов, что называется, «в ножи» — внезапно атаковать и всех вырезать. Но такая тактика могла сработать только при условии внезапного нападения. Если кто-то из немцев не спит, если он успеет закричать, подать сигнал тревоги — все, операция провалена. Прибегут другие немцы из соседних окопов, в ход пойдут уже не только ножи, но и винтовки с автоматами — и ни о каком прорыве через линию фронта речи быть не может. Только стремительное нападение разом на всех, находящихся в окопе, обеспечивало возможность скрытого продвижения дальше.

Но теперь, находясь в нескольких метрах от вражеской позиции, Шубин разглядел возможность другого развития событий. Правее немецкого окопа шла ложбинка, припорошенная снегом. Что, если проползти по этой ложбинке? Тогда враги их не заметят, и они попадут в немецкий тыл без шума, совершенно скрытно.

Шубин дернул напарника за локоть и, когда тот повернулся к нему, указал рукой на ложбинку. Коростылев взгляделся в ту сторону, понял замысел командира и кивнул, мол, все понял.

Затем пополз в ту сторону. Шубин последовал за ним.

Они ползли медленно, очень медленно, капитан начал замерзать, хотя было, в общем, не холодно. Ага, вот и ложбинка. Они спустились в нее — и теперь уже не видели ни поля, ни немецкого окопа слева. Двинулись по ложбинке вперед. Ползли, ползли... Они ползли, казалось, целую вечность. Наконец, взглянув влево, Шубин увидел над собой снежный склон. Значит, они миновали линию окопов и уже находились в овраге. Он приподнял голову, огляделся. Так и есть! Они прошли!

Дальше можно было двигаться немного быстрее. Теперь они уже не ползли, а шли, пригнувшись. Коростылев, шедший первым, еще и просеивал снег между пальцев — он искал растяжку или торчащий из земли взрыватель мины. И дважды он нащупывал такой взрыватель; это место они обходили стороной.

Так они продвинулись метров на сто. Потом оба, не сговариваясь, взглянули друг на друга и кивнули. Оба одновременно пришли к заключению, что дальше мин не должно быть — не будут же немцы минировать овраг на всем его протяжении! Это было бессмысленно. Значит, теперь им можно было идти быстрым шагом, можно было даже бежать. И они перешли на быстрый шаг. Так они прошли около километра, посте-

пенно поднимаясь. Овраг делался все мельче, это был уже не овраг, а ложбина. А потом и ложбина исчезла, слившись с местностью.

Передовая осталась позади, они вышли в немецкий тыл. Пора было подумать о том, чтобы взять языка.

Внезапно сержант резко присел, почти лег на землю; Шубин, следуя примеру напарника, сделал то же самое.

— Что случилось? — спросил он шепотом.

— Вон там, возле того холма, только что мелькнул огонек, — так же шепотом ответил сержант.

Это могло означать только одно: где-то здесь располагалась тыловая немецкая часть. Ведь никаких деревень здесь не было.

— Ну-ка, давай посмотрим, что тут у нас... — прошептал Шубин.

Разведчики легли на снег и поползли вперед, к тому месту, где Коростылев видел огонь. Они ползли от куста к кусту, от сугроба к сугробу. Так они постепенно приблизились к нужному им месту. Теперь стало ясно, что впереди располагается немецкий блиндаж. А дальше, если хорошенько приглядеться, можно было разглядеть еще один такой же блиндаж. Но блиндажи разведчиков не интересовали. Конечно, можно было надеяться на то, что враги спят и видят сладкие сны. И их можно будет прикончить всех вот так, во сне, оставив одного для допроса. Но так мог

рассуждать только неопытный разведчик, так мог рассуждать мальчишка. А Шубин и Коростылев не были мальчишками. Они оба были опытными воинами и знали, что перед ними — хитрый и тоже опытный враг. Скорее всего, кто-то один в блиндаже не спит, караулит вход. И как только они туда сунутся, то нарвутся на пулю, караульный поднимет шум — и все, их разведка на этом закончится. Хорошо, если удастся уйти отсюда живыми, но без всякой информации.

Нет, им было нужно место, где находится один немец. Пусть даже он не спит, пусть стоит на посту — но чтобы он там был один. А чаще всего часовые стоят на посту возле какого-нибудь склада... Не сговариваясь, разведчики повернули и поползли в обход блиндажей. Им нужно было найти место, где находится склад. Ведь если тут располагается немецкая тыловая часть, значит, она что-то охраняет — снаряды, продукты, медикаменты. Вот такой склад им и нужно было искать.

То ползком, то перебегая от дерева к дереву, разведчики отошли от блиндажей. И вот перед ними появился холм очень правильной формы. Ясно было, что этот холм — искусственный и под ним скрывается тот самый немецкий склад. А значит, где-то поблизости должен находиться часовой.

И не успели разведчики об этом подумать, как увидели этого часового. Он расхаживал на пя-

тачке возле входа в склад. Спать он точно не собирался и то и дело поглядывал по сторонам. Над его плечом торчало дуло винтовки. Шубин обратил внимание, что деревья возле склада все были спилены, и подобраться к часовому под их прикрытием было невозможно. Однако он не сомневался, что разведчики выполнят эту задачу. Это облегчалось тем, что их было двое. И оба знали, как использовать это преимущество: им даже не нужно было заранее договариваться, как именно.

Шубин тронул сержанта за плечо и подал ему знак ползти левее. А затем шепнул:

— Совой кричать умеешь?

Коростылев молча кивнул и пополз в указанную сторону. Шубин сбросил с себя вещмешок, снял винтовку и достал из кобуры пистолет. Стрелять из пистолета он не собирался: оружие ему было нужно в качестве кастета. Приготовившись таким образом, он стал подкрадываться к часовому, используя те моменты, когда тот отворачивался и шел в другую сторону. Но вот капитан достиг предельного расстояния, на котором он мог остаться незамеченным. Дальше подобраться было нельзя — надо было ждать, когда ему на помощь придет сержант.

И вот в ночной тишине внезапно раздалось уханье совы. Судя по всему, птица находилась совсем близко. Немец, видно, сомневался, что совы могут охотиться в зимнее время. Он насторожил-

ся, снял с плеча винтовку. Держа ее на изготовку, он двинулся в ту сторону, откуда доносился совиный крик. Сделал шаг, другой... И тут ему на голову обрушился сильнейший удар, от которого часовой осел на снег, теряя сознание.

...Очнулся он довольно скоро, но в совершенно незнакомом месте. Вокруг не было ни склада, ни блиндажей, где находились его товарищи. Вокруг был густой лесок. Дернувшись, немец понял, что руки у него связаны, а во рту находится кляп.

Увидев, что язык очнулся, Шубин придвинулся к нему и сказал на немецком:

— Ага, вот мы и пришли в себя. Это хорошо. Теперь можно побеседовать. Будешь честно отвечать на вопросы — сможешь остаться в живых. Станешь юлить, врать — буду резать тебя на части. Все понятно? Кивни, если понятно.

Немец несколько раз кивнул. Он явно хотел жить, и он был готов говорить. Это устраивало Шубина, хотя он знал, что потом его будет мучить совесть. Ведь он не собирался оставлять языка в живых — он просто не мог этого сделать, потому что им предстояло идти еще вперед, в глубину вражеской обороны, не меньше десяти километров, а затем возвращаться обратно, и часовой будет им обузой.

— Значит, мы договорились, — заключил Шубин и вынул кляп изо рта пленного.

Отплевываясь, тот заговорил:

— Да, я готов вам рассказать все, что знаю, господин офицер. Но учтите: я знаю не очень много, ведь я простой рядовой...

— Как твое имя?

— Карл Шмидт.

— А как называется часть, в которой ты служишь?

— Второй батальон 383-го стрелкового полка.

— Что ваша часть здесь делает?

— Мы охраняем склады с артиллерийскими снарядами. Но если говорить честно, охранять там нечего — склады почти пустые.

— Почему так?

— Потому что армия готовится к отходу. Артиллеристам приказано расстрелять все имеющиеся запасы снарядов, чтобы не тащить их назад в тыл. Поэтому все последние дни наши артиллеристы ведут усиленный обстрел русских позиций. Вчера вечером мы отправили на передовую последние ящики со снарядами.

— И когда же армия начнет отходить?

— Так она уже несколько дней как начала. Склады, расположенные глубже в тылу, уже полностью вывезли. Все, что находится в городах — в Ржеве, Сычевке, Гжатске, — уже неделю как грузят и отвозят в тыл. Отправили в тыл все госпитали, уехали туда снабженцы. Так что остались только боевые части.

— А когда начнут отходить боевые части?

— Офицеры нам этого, конечно, не говорят. Но судя по тому, что снарядов совсем не осталось, завтра или послезавтра.

— Для отхода вам нужно устроить промежуточные линии обороны. Где проходит ближайшая такая линия?

— Точно не знаю. Но, кажется, не очень далеко.

— У вашей тыловой части есть соседи? Справа, слева?

— Севернее, ближе к Ржеву, стоят танкисты. Это не тыловая часть, они просто стоят в резерве, потому что наступать наша армия здесь точно не будет и танки не нужны. Они, наверное, будут отходить первыми или в числе первых.

— Здесь, в тылу, есть заминированные участки местности?

— Нет, зачем? Заминирована только промежуточная линия обороны.

— Как войска будут эвакуироваться — на машинах?

— Кто-то поедет на машинах, кто-то пойдет пешком, кто-то по железной дороге, пока она еще работает.

— А почему она не должна работать?

— Потому что есть приказ нашего верховного командования — вывести дорогу из строя.

У Шубина, в общем, больше не было вопросов к рядовому Шмидту. Допрос рядового надо

было заканчивать, а вместе с ним пускать часового в расход. Но Шубин совсем не хотел мучить этого парня. Он хотел все сделать так, чтобы Карл Шмидт до последнего был уверен в том, что останется в живых.

— Ну, Карл, пока на этом все, — сказал разведчик. — Сейчас мы соберемся и пойдем. От тебя при этом потребуются полное молчание. Ты меня понял?

— Да, господин офицер, я буду нем как рыба! Не издам ни одного звука! — заверил пленный.

— Вот и хорошо, — сказал Шубин.

Он встал, открыл свой вещмешок и начал оглядываться, словно в поисках чего-то. Шагнул в сторону, словно за какой-то вещью, и, оказавшись за спиной пленного, наклонился к нему и одним быстрым движением перерезал ему горло. Кровь хлынула потоком, заливая шинель рядового Шмидта. Он повалился на бок, дернулся и застыл.

— Надеюсь, он не мучился, — пробормотал Шубин, затем, повернувшись к своему напарнику, сказал: — Ну что, двигаемся дальше?

И они двинулись дальше на запад. До конца ночи они шли и шли; за все время сделали лишь одну короткую остановку. Ближе к утру пересекли рокадную дорогу, построенную немцами за время длительной обороны этого рубежа. Несмотря на зимнее время, на мороз, дорога была совершенно разбита, выброшенная гусени-

цами танков земля высилась по ее бокам словно два брустера. Легко можно было представить, что здесь будет твориться спустя несколько дней, когда начнется таяние снега. Тогда преодоление этой дороги станет большим испытанием для любого. «Вот почему наше командование так торопится начать наступление, а немцы торопятся уйти, — подумал Шубин. — Когда начнется весенняя распутица, двигаться и перевозить тяжелую технику здесь будет невозможно».

Наступило утро, и темнота больше не скрывала разведчиков. Готовясь к этой операции, Шубин планировал, что с наступлением утра они займут где-нибудь в укрытие и будут там сидеть до темноты. Но теперь, получив от пленного Карла Шмидта сведения об уже начавшемся отступлении вражеских войск, капитан решил изменить этот план. Не могли они с Коростылевым отсиживаться в укрытии, ждать наступления ночи. Дорог был каждый час!

— Я думаю продолжить движение, — сказал он сержанту. — Мне кажется, нам хватит сил пройти еще километров пять. Добраться до промежуточной линии обороны, нанести данные на карту — и только тогда найти подходящее место и лечь спать. А ближе к вечеру двинемся в обратный путь. Что об этом думаешь?

— Ты командир, тебе решать, — ответил Коростылев. — Но вообще-то я согласен, план пра-

вильный. Только на открытые места не нужно вылезать. А если они встретятся, проходить их с особой осторожностью.

Шубин кивнул, и они продолжали идти на запад. Спустя полчаса разведчики вышли из леса на дорогу, которая шла в том же направлении, что и они, — на северо-запад. Было ясно, что эту дорогу активно используют немцы. Идти по ней было нельзя, и они снова вернулись в лес, пошли вдоль дороги. Так они шли и шли по редколесью, и ничто не предвещало опасности, как вдруг какая-то деталь на местности привлекла внимание Шубина, и он скомандовал:

— Ложись!

И они оба бросились на снег. Капитан ждал, что впереди прогремят выстрелы, но пока все было тихо. Тогда он осторожно поднял голову и стал осматривать окрестности. И увидел то, что привлекло его внимание: снежный бугор слишком правильной формы впереди, на расстоянии примерно двухсот метров. Это мог быть дзот, а мог быть бронированный колпак. И то и другое не могло стоять отдельно в лесу — такие сооружения создавались как часть крупной линии обороны.

— Давай тихо-тихо сдадим назад, — негромко сказал Шубин напарнику. — Мы слишком близко к ним подошли.

Но едва они начали двигаться назад, как сразу прогремело несколько выстрелов. Пули про-

шли высоко над головами разведчиков, пока что обстрел не представлял опасности. Хуже было другое: выстрелы означали, что враги их заметили. Надо было отходить, и отходить быстро. Поэтому разведчики сменили тактику: они поднялись и кинулись бегом назад в лес. Вслед им снова раздалась выстрелы, и теперь пули вонзались в стволы деревьев совсем близко. Но с каждым шагом они все дальше уходили от опасного места. Шансов попасть в разведчиков у врагов уже не было, и обстрел прекратился.

Пробежав примерно полкилометра, Шубин остановился.

— Кажется, мы нашли этот промежуточный рубеж обороны, — сказал он. — Давай пройдем севернее, там еще посмотрим. Если снова наткнемся на немцев — это точно их рубеж.

Они двинулись прямо на север. Тут впереди показался довольно заметный холм. Такой объект враг никак не мог пропустить: немцы были просто обязаны устроить на холме узел своей обороны.

Разведчики сменили курс; теперь они шли в обход холма, вглядываясь в его склоны. Так и есть: оба одновременно разглядели линию окопов, за ней вторую, пулеметную ячейку, крыши блиндажей... Да, это была немецкая оборонительная линия, призванная задержать наши части, которые будут преследовать отсту-

пающие немецкие дивизии. Задание командования было выполнено, можно было возвращаться. Разведчики повернули на восток, собираясь в обратный путь. Но едва они сделали несколько шагов, как снова грянули выстрелы. Стреляли справа, с той стороны, откуда они пришли. Видимо, враги, встревоженные появлением разведчиков перед их запасным рубежом, не ограничились тем, что просто отогнали советских бойцов подальше, но и выслали им вдогонку свою группу.

И как только прозвучали первые выстрелы справа, так сразу же поднялась стрельба и сзади, с того самого холма, который разведчики только что обследовали. Оттуда тоже могли выслать группу преследователей, и тогда положение двоих бойцов стало бы отчаянным.

— Давай левее, и быстро! — скомандовал Шубин.

Им ни в коем случае нельзя было ввязываться в перестрелку — тогда они точно попали бы в окружение и погибли. И разведчики, не отвечая на выстрелы врагов, побежали по заснеженному лесу так быстро, как только позволяли бурелом и снег. Они бежали, забирая влево, уходя и от холма за спиной, и от группы преследования справа. Теперь оба думали лишь об одном: только бы никого из них не ранило. Если ранение будет серьезным, то раненый будет обречен. Он не

сможет двигаться таким же темпом, как здоровый товарищ, а тот не сможет его тащить с нужной скоростью. И у раненого будет один выход: залечь и отстреливаться от врагов, сколько хватит патронов. А потом, когда окружат, когда подойдут вплотную, — подорвать и себя, и врагов гранатой.

Но пока что все пули проносились мимо. И они уходили все дальше, дальше. А минут через пятнадцать выстрелы совсем стихли. Как видно, враги отказались от преследования уходящих разведчиков. Правда, они могли сообщить по радиации своим частям, стоящим восточнее, на нынешней линии фронта, чтобы те выслали группы для перехвата советских бойцов. Шубин предвидел такую возможность, поэтому спустя некоторое время он изменил направление, взяв курс значительно правее — почти на юг. Так они шли километра три. Теперь немцы не знали, где они находятся, и никакая группа перехвата не могла их поджидать.

Оставалась одна проблема — перейти линию фронта в обратном направлении, выйти к своим. Часто разведчики гибли именно во время такого обратного перехода: наши бойцы на передовой принимали возвращающихся за врагов и открывали огонь. Чтобы этого не случилось, надо было выйти ровно в том месте, где и входили, то есть в устье оврага.

Но прежде чем думать о возвращении, о том, как найти то самое устье оврага, следовало отдохнуть. Ведь Шубин и Коростылев шли не останавливаясь уже больше двенадцати часов. И теперь оба, не сговариваясь, высматривали место, где можно было залечь на пару-тройку часов.

Наконец такое место нашлось. Это была ложбинка, заросшая молодым осинником и кустами бересклета. Разведчики залезли в середину этой чащи, так что снаружи их никак нельзя было увидеть, набросали на снег сухих веток, положили свои вещмешки — и улеглись, прижавшись друг к другу спинами. И, как только улеглись, оба сразу заснули. У обоих было профессиональное свойство разведчиков — умение моментально засыпать, когда можно, и так же моментально просыпаться, когда нужно.

Засыпая, Шубин решил, что они проспят не три, а целых четыре часа — до пяти вечера. И в пять минут шестого он проснулся. Мартовское солнце еще не садилось, но уже низко висело над горизонтом. Спустя минуту проснулся и Андрей Коростылев. Разведчики быстро собрались, затем перекусили, съев по куску хлеба, который брали с собой. Потом Шубин достал карту, определил, где они находятся, и выбрал маршрут к тому самому устью оврага. И они пустились в путь.

МЕРТВАЯ ТИШИНА

Шли они не спеша — Шубин то и дело сверялся с картой. Кроме того, он хотел подойти к линии фронта уже в темноте. Врагов они нигде по дороге не встретили. И когда солнце уже село, в последних лучах света Шубин разглядел впереди то самое начало длинного оврага, которое искал. Двое разведчиков спустились по нему, обошли немецкий окоп, запиравший устье оврага, проползли по полю — и уже ближе к полуночи достигли советской линии обороны. Здесь ждали их возвращения, стрелять в них никто не собирался. Мало того — их, оказывается, дождалась и штабная машина, которую прислал полковник Данилов. Так что в час ночи Шубин был в Калуге.

ГЛАВА 3

Шубин сидел за столом в комнате полковника Данилова, пил чай и докладывал о результатах разведки.

— Значит, ты говоришь, что немцы собираются начать массовое отступление с передовой уже сегодня? — спросил полковник, когда Шубин закончил свой доклад.

— Да, сегодня и завтра с передней линии обороны должны уйти все части, — подтвердил разведчик. — У них для этого все готово, и промежуточный рубеж обороны оборудован.

— И ты утверждаешь, что они собираются забрать с собой все имущество, всю военную технику и потом взорвать железную дорогу, ведущую к Смоленску?

— Именно так, это рассказал язык, которого мы взяли.

— А в каком звании был этот пленный?

— Это был рядовой из стрелкового батальона.

— Рядовой, рядовой... — проговорил полковник Данилов задумчиво. — Но много ли он знает, этот рядовой? Насколько точны его сведения?

— Конечно, рядовой не знает столько, сколько ефрейтор или тем более офицер, — согласился Шубин. — Но у нас не было возможности взять языка посерьезнее. Нас связывало задание дойти до промежуточной линии немецкой обороны. Если бы не это, мы могли бы пройти вдоль линии фронта, выследить офицера и взять его. Разрешите, я прямо сегодня отправлюсь в новую разведку и приведу вам офицера?

— Нет, не разрешаю, — ответил Данилов. — Сколько ты сегодня спал — четыре часа? А ел что — кусок хлеба? А прошел сколько — тридцать километров? Какой из тебя сейчас вояка? Нет, Шубин, ты сначала иди выспись, поешь, отдохни. И сегодня вечером приходи ко мне. Вот тогда и будем говорить о новом задании.

— Товарищ полковник, поверьте: я и сейчас могу отправиться за линию фронта, если надо, — стал разведчик убеждать своего начальника разрешить ему вновь отправиться в разведку. — Мне случилось по нескольку дней жить в таком режиме — без сна, без еды, — и ничего, обходился. Так что, если надо, я готов.

— Да в том-то и дело, что сейчас спешка уже и не нужна, — сказал Данилов. — Ведь фронт перейдет в наступление уже через три часа. На всем

протяжении от Ржева до Гжатска наши войска начнут преследование отступающего противника. Сведения, которые ты принес, внушили нам уверенность, что это наступление будет успешным, что немцы не будут цепляться за каждый клочок земли. К тому же ты разведаль, где, на какой линии они постараются на время закрепитъся. Так что твоя разведка принесла большую пользу. В следующий раз перед тобой будут поставлены другие, более серьезные задачи. Но о них мы поговорим, когда ты отдохнешь. Все, марш на койку! Тут, рядом со штабом, есть дом для разведчиков. Обратишься к коменданту, он выделит тебе место.

И Шубин отправился выполнять приказание, то есть отдыхать. Сделал он это, надо сказать, с удовольствием. И когда спустя шесть часов снова явился в штаб, он был отдохнувшим.

— Вот теперь совсем другой вид, — сказал полковник Данилов, взглянув на разведчика. — Что ж, садись, будем ставить перед тобой следующую задачу. Знаешь, что меня больше всего заинтересовало и насторожило в твоём рассказе? То, что рассказал твой пленный о планах своего командования. То, что немцы хотят не только уйти сами и вывезти свою технику, — это обычное дело. Насторожило меня упоминание о железной дороге, о том, что они хотят ее разрушить. Надо узнать, правда ли есть у них такие планы?

И что еще хочет немецкое командование? Может, мы чего-то не знаем? Это все надо выяснить как можно быстрее. Так что я приказываю: сегодня же ночью вам с Коростылевым необходимо снова отправиться во вражеский тыл. На этот раз вам не нужно идти пятнадцать километров. Будете действовать в ближней полосе. Как только найдете отступающего врага, в том районе и начинайте действовать. Задача — захватить офицера. Допрашивать его самому не надо. Здесь допросим. Только выясни — будет фриц говорить или упрется и станет играть в молчанку. Такой молчун нам, конечно, не нужен. Как, задача понятна?

— Да, товарищ полковник, все ясно, — ответил разведчик. — Разрешите идти?

Спустя несколько минут он уже ехал на передовую. Еще несколько минут ушло на то, чтобы отыскать Коростылева и объяснить ему суть нового задания. А затем надо было быстро добраться до наших передовых частей, которые уже пересекли бывшую немецкую линию окопов и теперь старались настичь уходящего врага, нанести ему как можно больший урон.

Впрочем, долго искать наших разведчикам не потребовалось. Они прошли всего полкилометра, когда услышали звуки боя, который шел где-то неподалеку. Немцы выставили арьергард, и тот напал на наши наступающие части. В этом и состояла тактика врага: задерживать наши пе-

редовые части, дать возможность основным немецким силам без потерь уйти на подготовленную в пятнадцати километрах дальше запасную линию. И пока это им удавалось.

Разведчики быстро выяснили, что новая линия соприкосновения с врагом не является сплошной. Достаточно было пройти километр на юг — и там уже не было боя. Обогнув район сражения, Шубин и Коростылев двинулись на запад. План состоял в том, чтобы выйти к дороге, по которой отступали немецкие войска, дожидаться утра, когда по дороге начнется движение, и напасть на машину, в которой будет ехать офицер. Правда, для этого требовалось, чтобы машина ехала одна, не в составе колонны. И, пока они шли, Шубин ломал голову над тем, как этого добиться.

К часу ночи разведчики вышли к шоссе, по которому отступали немецкие войска. Сейчас дорога была пуста. «Теперь нам придется сидеть здесь в засаде шесть часов, пока не рассветет, — размышлял Шубин. — Потом по дороге начнется движение. Но разве какой-нибудь офицер поедет в одиночку? Нет, они будут передвигаться колоннами, машина за машиной. И мы будем сидеть целый день и ничего не дождемся. Нет, так не годится. Интересно, а где сейчас находятся отступающие? Ведь немцы не будут ночевать в лесу, прямо в машинах, они к такому не привыкли.

Скорее всего, они остановились в какой-нибудь деревушке. Надо посмотреть...»

Он отошел от дороги в лес, достал карту, включил фонарик и начал изучать местность. Обнаружил деревню Павловку. Она находилась в километре от того места, где сейчас были разведчики. «Пусть даже в этой Павловке всего десяток изб, — рассуждал разведчик. — Эти избы отдадут офицерам, а рядовые поставят палатки рядом с избами. Чем лучше изба, тем более высокий чин в ней будет жить. Если в деревне найдется кирпичный дом, то в нем наверняка будет ночевать полковник, в крепкой деревянной избе — капитан, а в бедных хатах остановятся лейтенанты. Но тут надо будет смотреть не какой дом, а как он охраняется, можно ли к нему податься. Собственно, полковник нам и не нужен. Лейтенанты тоже многое знают».

Додумав эту мысль до конца, он свернул карту и сказал сержанту:

— Здесь ждать не будем. Пойдем в деревню, постараемся вытащить фрица из теплой постели.

И они пошли через лес, двигаясь в направлении деревни. Как показывала карта, Павловка стояла в полукилометре от дороги, в низине, по которой протекала речушка. Разведчики вышли на опушку леса и стали разглядывать деревню. Как и предполагал Шубин, Павловка была небольшой, два десятка домов, которые распо-

лагались вдоль речки. Прямо перед разведчиками лежало открытое поле, за ним текла река, а на другом берегу стояла деревня. Грузовики, на которых приехали немцы, стояли кучкой прямо на дороге на въезде в деревню; их охраняли трое часовых. Здесь же виднелись и две легковые машины. Помимо часовых, стороживших автопарк, Шубин увидел и двух часовых на другом конце деревни. Там же, на другом конце деревни, видны были и три десятка больших армейских палаток. Около них тоже расхаживали часовые. В целом немцы, кажется, сделали все, чтобы их ночлег в Павловке прошел спокойно.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь? — спросил Шубин у напарника. — Можно к фрицам подобраться или не получится?

— Почему же не получится? — возразил Коростылев. — Смотри, капитан: они усиленно охраняют оба конца деревни — там, где у них стоят машины и где палатки с рядовыми. А середка не очень защищена. Там я вижу всего одного часового возле вон того крепкого дома.

— Да, в этом доме, скорее всего, ночует командир этого батальона, капитан или майор, — откликнулся Шубин. — А в домах по соседству спят лейтенанты. Если подойти из леса, через огороды, можно выйти вон к тому дому — видишь, соломой покрыт. Значит, надо обойти всю деревню и выйти к той опушке. А ког-

да схватим фрица — сразу отходить на восток, вдоль речки.

— Тут, знаешь, есть еще одна вещь, которая на нас работает, — сказал Коростылев. — Ты заметил, что собак совсем не слышно? Видимо, фрицы их всех перестреляли, чтобы они на них не кидались, не мешали. Так они и нам мешать не будут.

Решение было принято, и разведчики двинулись кругом, обходя деревню. На этот обход потребовался час. Спустя час они снова сидели на опушке, но теперь уже с другой стороны деревни. Отсюда до ближайших домов было гораздо ближе — метров двести.

— Что, пошли, что ли? — сказал Шубин и первым скользнул с опушки на заснеженное поле. Сержант последовал за ним. Они ползли, как и накануне, во время первой совместной разведки, по-пластунски, используя любую складку местности, любую кочку. Им никто не помешал, никто не заметил. Они доползли до забора, за которым, как видно, находился огород. Раздвинули доски, преодолели забор и поползли дальше. Так они добрались до стены дома. Чуть в стороне от дома располагался сарай. Оттуда слышался чей-то храп. Оба разведчика поняли, в чем дело: немцы выселили хозяев в хлев, а сами заняли дом.

Добравшись до дома, разведчики выпрямились и, прижимаясь к стене, направились к две-

ри. Прежде чем наступить на первую ступеньку крыльца, проверили — не скрипит ли. А вот и дверь. Она, конечно, была закрыта.

— Я попробую открыть, — еле слышно прошептал Коростылев на ухо Шубину.

Он достал кинжал и просунул острие в щель между досками двери — пусто. Просунул в другом месте, чуть выше, — и острие кинжала наткнулось на деревянный брус. Тогда сержант стал потихоньку, по миллиметру, двигать брус вправо. Еще, еще... И вот дверь скрипнула и подалась.

Шубин первым ступил в темноту. Посторожился, пропуская напарника, и встал. Надо было, чтобы глаза привыкли к почти полному мраку, царившему в комнате. Но вот глаза привыкли, и Шубин различил в темноте слева что-то белое. Рука нащупала горячие кирпичи. Значит, здесь была русская печь. А впереди угадывался проем — вход в жилую половину дома. Там должна была находиться кровать, и там спал немец — или немцы? Может, их здесь было несколько? Выяснить это заранее было невозможно. Хотя почему невозможно? Где-то здесь должна быть вешалка. Немцы — люди, привыкшие соблюдать порядок. Наверняка они при входе сняли шинели и повесили их на вешалку. Надо только потрогать, сколько их там висит...

Шубин так и сделал. Протянул руку, потрогал стену слева от себя, потом справа. Так, вот

она, вешалка. Что тут у нас? Ага, вот она, шинель. На ней погоны... Точно, здесь ночует офицер. А здесь что? Еще одна шинель, а поверх нее фуражка! А дальше? Нет, больше ничего нет. Но и двоих хватит. Можно одного заставить спать вечным сном, а второго забрать с собой. Или захватить двоих? Ладно, как получится.

Шубин шагнул дальше, в спальню. Вот одна кровать, вот другая. Он шагнул к левой, сержант — к правой. Вот теперь можно было включить свет. Шубин достал из одного кармана фонарик, из другого — пистолет. Коростылев также достал оружие. Шубин включил фонарик, положил его на тумбочку. После чего взял «своего» фрица за горло и слегка сдавил. Тот проснулся от удушья, захрипел, схватился обеими руками за руку Шубина — и тут увидел ствол пистолета, направленный ему прямо в лоб. Разведчик дал немцу пару секунд, чтобы тот смог осознать ситуацию, потом резко скомандовал:

— Одевайся! И без фокусов! Твой крик все равно никто не услышит, как и мой выстрел.

Немец послушно кивнул и потянулся за одеждой, висевшей в изголовье кровати. А вот второй немец, доставшийся Коростылеву, повел себя иначе. Он рванулся в сторону, пытаясь уйти с линии выстрела, и одновременно закричал:

— Русские! На по...

Закончить он не сумел: сержант ткнул ему пистолетом в горло и нажал на спусковой крю-

чок. Выстрел прозвучал глухо — и вряд ли кто-то услышал его за пределами этого дома. Вот кровь ударила фонтаном и залила все вокруг. Но это не беспокоило разведчиков. Больше Шубина беспокоил тот факт, что оставшийся немец впал в панику. Руки у него тряслись, он никак не мог надеть китель, натянуть сапоги. Пленного надо было успокоить, и в этом у Шубина был опыт. Он присел на корточки рядом с пленным, заглянул ему в глаза и спросил:

— Тебя как зовут?

— Меня? — Губы у немца тоже тряслись, он говорил с трудом. — Карл... Карл Зоммель... Лейтенант Зоммель...

— Послушай меня, Карл. Мы не сделаем тебе ничего плохого. Твой товарищ погиб, потому что поступил неправильно. А ты будешь вести себя правильно и останешься в живых. Понимаешь? Ты останешься в живых. Для тебя война, можно сказать, уже закончилась. Надо только добраться до наших частей. Так что спокойно одевайся, натягивай второй сапог — и пошли.

Речь разведчика подействовала: пленный перестал трястись, закончил одеваться. Они вышли в прихожую, и здесь Шубин дал пленному возможность надеть шинель. Затем он связал ему руки за спиной и всунул в рот кляп. Уговоры уговорами, но никто не мог поручиться, что, оказавшись на улице, пленный не попытается убежать

или позвать на помощь. Поэтому Шубин крепко взял его за локоть, уткнул ствол пистолета ему в бок, и в таком виде они шагнули за дверь.

Разумеется, они не могли заставить пленного ползти по полю, как ползли ранее сами. Теперь поле следовало пересечь бегом, как можно быстрее, надеясь, что их никто не увидит. И эта надежда сбылась — почти сбылась. Они уже перешли поле, до леса оставалось буквально два-три шага, когда сзади раздался крик:

— Стой! Стоять, я сказал! Это русские!

И следом за криком раздался выстрел. Для разведчиков он прозвучал словно сигнал стартового пистолета на соревнованиях — они рванулись вперед, заставляя бежать и Карла Зоммеля. Прежде чем сзади поднялась тревога, прежде чем выстрелы участились, они успели отбежать от деревни на двести-триста метров. И продолжали двигаться вперед с той же скоростью.

— Слушай, нам ведь надо в другую сторону, — сказал Коростылев. — Нужно обойти деревню и двигаться южнее.

— Не нужно, — ответил Шубин. — Ведь сплошной линии фронта сейчас нет, мы можем почти в любом месте столкнуться с нашими частями. Для нас сейчас главное — оторваться от немцев, чтобы они нас не догнали. А потом можно опять выйти на дорогу — там мы скорее наших встретим.

Однако немцы, ночевавшие в деревне, как видно, и не думали гнаться за разведчиками. Видимо, они решили, что захваченный русскими лейтенант не может им сообщить никаких особо секретных сведений. Ведь армия отступала, обстановка все время менялась: какие уж тут секреты? Для немцев теперь было главное — поддерживать нужный темп движения, оторваться от русских, чтобы отступление не превратилось в паническое бегство. И с этой задачей они пока справлялись.

Немцам было важно отступить, а разведчикам — как можно скорее доставить языка в штаб. И с этой задачей они тоже справились. Уже спустя час они встретили наши передовые части. Командир батальона, которого они встретили, сообщил Шубину, что штаб фронта уже находится не в Калуге, а переместился ближе к бывшей линии фронта и располагается в деревне Васильково на берегу Волги. И еще спустя час, не дав ни себе, ни пленному ни разу присесть, разведчики доставили свою добычу в штаб и передали пленного в руки полковника Данилова. Начальник фронтовой разведки распорядился, чтобы Коростылев шел отдыхать, а Шубин вместе с ним принял участие в допросе пленного. Так что они втроем уехали в комнате Данилова, и допрос начался.